

К. Е. Сигалов⁵**ЛИЧНОСТНЫЙ ПРАВОГЕНЕЗ И ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Право в строгом смысле слова — чисто западное понятие, во всяком случае в момент его станов-

ления как социокультурного явления. Формы регуляции в других цивилизациях в большей или меньшей степени отдалены от права в западноевропейском понимании. Говоря об идейно-ценностных основах формирования западного права, мы имеем в виду основы формирования права как некоего стандарта, к которому стремится все человечество. Однако Запад не есть некое единое пространство, где все и всюду унифицировано; вряд ли какая-нибудь из западных стран к этому стремится. Еще в 1651 году Бальтазар Грасиан писал в романе «Критикон»: «Европа — прекрасное лицо мира: в Испании важное, в Англии смазливое, во Франции игривое, в Италии рассудительное, в Германии румяное, в Швеции дерзкое, в Польше добродушное, в Греции изнеженное и в Московии хмурое»⁶. Можно поспорить о существовании этих характеристик, но важнее другое — представление о различии стран Европы сложилось еще в XVII веке. Отметим еще одну важную деталь: в середине XVII века Россия воспринималась как органичная часть западного мира, чьи духовность и менталитет были сопоставимы с другими европей-

⁵ Директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ, доктор юридических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Исторические основания среды права», «Периодизация истории государства и права в свете теории среды права», «Духовная среда российского права» (в соавт.), «Многообразие форм среды права» (в соавт.), «Методологические проблемы правового знания» (в соавт.); статей: «Детектив как отражение специфики национальной правовой культуры», «Полиция и механизм действия гражданского общества», «Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен», «Идейно-ценностные основы формирования западноевропейского права» и др.

⁶ Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1984. С. 374.

скими странами: «Политическая коммуникация всегда опосредуется коммуникацией правовой. При этом следует иметь в виду, что право в разных государствах не только проявляется в разных формах, но и имеет разное содержание»¹.

Но факторы различия национальной идентификации не могут превзойти общности правовой культуры — именно в политической и правовой сферах Запад пытается установить общие стандарты, и это в основных чертах получается. Право является тем глобализующим основанием духовности, которое наиболее подвержено унификации, следованию одному, наиболее удобному стандарту. Обусловлено это тем, что на Западе в целом сложился единый менталитет. Как отмечает Берман, «все западные правовые системы — английская, французская, германская, итальянская, польская, венгерская и другие (включая с XIX столетия русскую) — имеют общие исторические корни, из которых они выводят не только общую терминологию и общие методы, но также и общие понятия, общие принципы и общие ценности»².

Однако право воплощается в личностном восприятии, право только тогда становится правом, когда «принимается» человеком как необходимая именно для него данность, как качество, без которого лично ему невозможно обойтись. Каждый человек формируется в соответствии с теми требованиями, которые предъявляет ему общество, любой человек является элементом правовой культуры народа. Правогенез — это естественное продолжение антропосоциогенеза, процесса превращения кроманьонца в человека разумного. Этот процесс сопровождается постоянными вызовами, которые общество бросает человеку на протяжении всей истории его существования.

Особенности современного этапа отношений «вызов общества — ответ личности» состоят в том, что, с одной стороны, общество нуждается в неординарных личностях, с другой — общество, а затем и государство стремятся всемерно подчинить себе эту личность, ибо всякий выбивающийся из системы «общего порядка» является потенциальной угрозой. Так было всегда, но глобализированный современный мир до предела обострил эту ситуацию. С одной стороны, современные технологии создают возможность полного физического отстранения человека от общения с окружающими, с другой — они же вовлекают его во множественные связи, о которых раньше никто и не догадывался. Человек, как и прежде, предъявляет обществу и государству свой счет, заявляет свои притязания, заставляет считаться с собой. При этом «между притязаниями и потребностями есть глубочайшее различие: потребности связаны с предметом их реализации, а притязания — со связью с этими предметами. Притязания выступают как то, что способствует реализации потребностей, но вообще не их удовлетворению. В такой интерпретации притязание — правовой феномен, базовый правовой акт»³.

¹ Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб. : Изд. дом С.-Петербурга, гос. ун-та, 2004. С. 324.

² Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М : Норма, 1998. С. 515.

³ Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 82.

Индивидуализированность каждого человека обусловлена его конкретной правоспособностью, тем, что именно личность предъявляет обществу для того, чтобы оно ее определенным образом оценило и позволило реализовать имеющиеся у нее потребности. Правоспособность — это и основания для правотворчества, посыл модернизировать право в соответствии с запросами этого правового пассионария.

Однако «высокая правоспособность» или способность к правотворчеству, возможность увидеть тот аспект правового регулирования, который другие не видят и не понимают, — это удел избранных. Кроме того, в разных цивилизациях и даже в разных странах и регионах — разная склонность к «юридизации» жизни, включению права в перечень значимых факторов национальной культуры. Это и цивилизационная склонность к получению образования, и насущная необходимость регламентации жизни, и возможность «правового воздействия» на окружающий мир через современные средства коммуникации.

Это вполне конкретные жизненные реалии — многообразие деловой и духовной жизни порождает и многокрасочность права. Так, в регионах с бурно развивающейся экономикой, торговлей, мореплаванием, разнообразными конфликтами, сложной социальной структурой право всегда было более востребовано, а правоспособность граждан превосходила правоспособность обитателей тех местностей, где все развивается медленно и традиционно.

Проявляются также и индивидуальные особенности правоспособности. Не только человек, вовлеченный в экономические отношения, вынужден становиться правоспособным, но, вероятно, и тот, кто в силу своих качеств — ума, характера, темперамента, личных жизненных обстоятельств — активно борется за осуществление своих прав. Это принуждает его фиксировать определенные отношения и проявлять свою правоспособность для защиты этих прав.

«Атомом» правовых отношений является рядовой обыватель, которого интересуют в первую очередь материальные, сугубо приземленные условия его жизни. Именно борьба за эти условия и создает гражданина. Именно борьба за эти условия и создает гражданина. Том Бетелл описывает ситуацию, когда в Лиме, в столице Перу, обосновались две совершенно равноценные группы индейцев из одной и той же провинции. При этом одна процветает, а другая пребывает в нищете. Исследование выявило, что первая последовательно, в течение долгого времени отстаивала свои права, добивалась регистрации права собственности на земельный участок и приобретала уверенность в том, что плоды ее трудов будут защищены. Другая группа пребывала в бездействии. Автор исследования Эрнандо де Сото объяснял это так: «Юридическая защита плодов человеческого труда и изобретательность, то, что мы называем правом собственности, оказалась главным освоенным предпринимчивости»⁴.

Именно через борьбу за свои права (как в широком политическом смысле, когда за них борются крупные сообщества, так и в узком смысле, когда налицо инди-

⁴ Цит. по кн.: Бетелл Т. Собственность и процветание. М. : ИРИСЭН, 2008. С. 268.

видуализированная форма борьбы) правоспособность «является миру». Правоспособность — это проявление самости человека, возможности его обосновать свои правовые притязания, но это еще и «лицо» цивилизации. Именно в правоспособности проявляется цивилизационное отношение к праву, в возможности решать, прибегая к нему, различные вопросы — как в частно-правовом, так и в публично-правовом аспектах. Унификации правовопонимания в сегодняшнем мире нет, и в ближайшем время не предполагается. Более того, вызовы сегодняшнего мира таковы, что классическое западное право с ними не справляется, а политическая воля западных лидеров оказывается подверженной рискам разнонаправленного развития реальности. Последние 15–20 лет западный мир сталкивается с тем, что современный гуманизм, толерантность и политкорректность остаются невостребованными в отношениях с людьми из бывших колоний западных стран (как вновь прибывших, так и потомков «старых» иммигрантов). Ведь, как отмечает С. Хантингтон, «Запад завоевал мир не из-за превосходства идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но скорее превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут»¹. Россию это касается в меньшей степени, но все же находится очень много охотников видеть в ней некий чужеродный мировому сообществу элемент. Это обусловлено не духовными, ментальными, правовыми или культурными основаниями, а реакцией на очередной социально-политический подъем нашей страны, это проявление недобросовестной конкуренции.

Внутренние проблемы обусловлены тем, что в последнее время российская действительность демонстрирует, что правоспособность наших сограждан становится вполне совершенной, причем без особого вмешательства со стороны государства, а скорее наоборот. Подтверждением тому может служить то, что современный российский обыватель семимильными шагами освобождается от правового нигилизма, воспринимает право как способ предъявить свои притязания обществу, государству и другим людям. А государство, наоборот, проявляет себя как закоренелый правовой нигилист, нарушает эти права везде, где только можно и нельзя, более того — пытается сформировать тренд послушного всем указаниям свыше обывателя — таким проще управлять.

Формально и российская, и западная юридическая культура существуют как бы параллельно реальной культуре. В результате власть в лице государства и личность находятся в неравновесных отношениях, что благом не является. Формально «народное» правовопонимание правовым не является, а официальное правовопонимание настолько «юридизировано», формализовано и администрировано, что его тоже невозможно признать правовым. В реальности включенный в правовую деятельность процесс именно и представляет собой реальное правовопонимание, какое оно на самом деле есть (примитивное, наивное, очень далеко отстоящее от права), или это утилитарно понимаемое государственно-властное правовопонимание (тоже весьма далеко отстоящее от права, воспринимающее юридическое исключительно как способ административного воздействия). Истина здесь не посередине, а где-то совершенно вдали от этих двух феноменов. Правовая личность формируется на пересечении всех потоков права, реальный правовогенез противоречив, а результат порою непредсказуем.

Важно также не только то, *что* вырабатывает юридическое правовопонимание, но и то, *кто* занят этим. И большой страх здесь в том, что речь идет о сконструированном узким слоем интеллигенции своем представлении о правовопонимании. Оно идеально, желанно, но мозаично, а главное — очень далеко от реальности. Но в конструировании есть глубочайший смысл, ибо, если этого не делать, общее состояние правовопонимания так и будет разрываться между Сциллой холопской пошлости и Харибдой барского хамства. Главное здесь то, кто, собственно, способен к выполнению функции «конструктора» правовопонимания.

Интегрирующее качество правоспособности каждый может прочувствовать на себе, ибо любая правовая ситуация понимается человеком в соответствии со своим индивидуальным правосознанием, личной правовой жизнью, целостностью восприятия любой правовой ситуации, с тем, как лично он борется за свои права и свободы. Самые ценные права и свободы составляют именно завоеванные права, добытые в борьбе. Именно они самые прочные и самые ценные. Ведь юридическое право беспощадно, оно воспринимает человека как функцию, которую можно в любой момент устранить, не считаясь с его интересами. Вот здесь-то и важна роль правоспособности как возможности отстоять свои права вне зависимости от задач юридического права.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. С. 66.